

Возмутитель спокойствия

Питер Дж. Уокер представляет
Дэвида Карда — экономиста, который
оспаривает традиционные взгляды
относительно минимальной заработной
платы, иммиграции и образования

ЛИСТОК бумаги, обтрепанный и не очень надежно прикрепленный клейкой лентой к стене. Этот самодельный список преподавателей на кафедре экономики Калифорнийского университета в Беркли является символом скромности, который резко контрастирует с его впечатляющей академической репутацией. Один из экономистов Беркли — также уважаемый и скромный — Дэвид Кард.

Кард приобрел известность в 1995 году, когда получил престижную премию Джона Бейтса Кларка, которой Американская экономическая ассоциация (АЭА) в то время каждые два года награждала ведущего экономиста в возрасте до 40 лет, работающего в Соединенных Штатах. Она считается высшей наградой за успехи в области экономики, сразу после Нобелевской премии. Благодаря эмпирическим исследованиям ряда «естественных экспериментов» (реальных ситуаций, по которым имелись надежные данные) Кард поставил под сомнение традиционные экономические взгляды в нескольких важных сферах.

Оспаривая традиционные представления

Он пришел к выводу о том, что, в отличие от классических моделей, повышение минимальной заработной платы неизбежно увеличивает безработицу и даже обладает потенциалом для ее сокращения. Более 15 лет исследований привели к выходу в 1993 году важной работы, а впоследствии — книги (в соавторстве с профессором Принстонского университета Алланом Б. Крюгером), в которой анализировалось воздействие минимальной оплаты труда на точки быстрого обслуживания в Нью-Джерси. В апреле 1992 года штат Нью-Джерси в США повысил минимальную зарплату с 4,25 до 5,05 долл. в час, тогда как соседняя Пенсильвания оставила ее без изменений. Это было идеальным естественным экспериментом. Кард и Крюгер выяснили, что, по сравнению с Пенсильванией, рестораны быстрого обслуживания в Нью-Джерси в действительности увеличили число занятых на 13 процентов — доказательство того, что повышение минимальной зарплаты не имело негативного воздействия, которого опасались столь многие.

Это исследование наделало много шума, но оно чуть было не сорвалось; соавтор Крюгер вспоминает: «Наши естественный эксперимент чудом не сорвался, поскольку состав законодательного собрания штата [Нью-Джерси] поменялся, и оно проголосовало за отмену повышения минимальной зарплаты до его вступления в силу. Губернатор наложил вето, и у него едва хватило голосов для предотвращения отмены вето... В определенной степени — отмечает Крюгер, — это сделало наше сравнение более убедительным, поскольку повышение минимальной зарплаты отчасти оказалось сюрпризом, поэтому у работодателей не было возможности полностью адаптироваться к нему заранее».

В другом исследовании Карда, в котором также оспаривались традиционные представления, был сделан вывод о том, что прием большего числа мигрантов неизбежно оборачивается потерей работы или снижением зарплат для местных работников. В исследовании Карда 1989 года об отбытии кубинцев из порта Мариэль изучалось воздействие внезапного появления 125 000 кубинских иммигрантов на рынке труда Майами в период 1980–1985 годов. Многие современные наблюдатели утверждали, что этот приток (означавший увеличение рабочей силы Майами на 7 процентов) ухудшил перспективы занятости низкоквалифицированных местных работников, уже находившихся в этом городе. Но Кард пришел к выводу, что это практически не сказалось на зарплате и уровне безработицы низкоквалифицированных местных жителей. Даже среди выходцев с Кубы зарплаты и уровень занятости прибывших ранее иммигрантов не испытывали значительного сокращения из-за прибытия «мариэлитос».

По этим и другим направлениям исследования Карда нарушили спокойствие, вызывая при этом некоторый ажиотаж, но также существенный скептицизм. Однако в чем Кард и его

критики соглашались — идти наперекор тенденции (иогда даже излишне резко) — в то время было далеко не самым надежным путем ко всеобщему признанию.

Беседуя в своем кабинете в Беркли (с видом на ничем не примечательную автостоянку) дождливым и мрачным январским утром, Кард рассказывает, что он был с женой в отпуске, когда узнал о присуждении ему премии Джона Бейтса Кларка: «Они пытались со мной связаться и сообщить, что я награжден пре-

Кард поставил под сомнение традиционные экономические взгляды в нескольких важных сферах.

мии. Честно говоря, никто не мог предположить, что премию получит какой-либо экономист, подобный мне, и мне, конечно, такая мысль не приходила в голову», — вспоминает Кард, его личная скромность контрастирует с его репутацией как ученого-новатора.

Однако это потрясение меркнет по сравнению с враждебностью, которую он ощущал, когда получал премию. Многие экономисты на конференции АЭА, возмущенные его выводами и дерзостью в оспаривании традиционного экономического мышления, выражали протест и организовывали свои семинары, на которых осуждали его работу: «Я считал, что это было сделано целенаправленно, чтобы защитить АЭА от обвинений в том, что мы — группа сумасбродных леваков».

Сказать, что Кард не был сразу принят более широкими кругами ученых-экономистов, было бы сильным преуменьшением. Как он позднее отмечал в своей статье, защищающей исследование по Нью-Джерси: «Воспроизведение и повторный анализ являются важными элементами экономической науки, особенно когда новые выводы противоречат традиционному мнению». Для ученого выслушивать возражения является обычным и благотворным, но в данном конкретном случае, как он считал, споры очень быстро перешли на личности. «Разговоры за ужином были очень неловкими, иногда мои студенты подвергались расспросам, потому что люди считали меня сумасбродом. В душе у меня остался очень неприятный осадок».

Экономист по воле случая

В определенном смысле экономика всегда была личным делом для Карда. Он вырос в сельской местности в Онтарио, Канада, его семья «не была и не является особенно богатой», очень немногие из его друзей пошли в университет. Живя на молочной ферме, которую его престарелый отец держит и по сей день, Дэвид увлекся наукой, связанной с уходом за коровами, например, методами ухода, благодаря которым они давали бы питательное молоко оптимальный период времени.

Его научные интересы привели к изучению физики в Королевском университете в Кингстоне, Онтарио, эта учеба отчасти оплачивалась за счет непродолжительной работы на сталелийтейном заводе.

Затем, в университете, на него по воле случая снизошло откровение. Помогая своей подруге с заданием по экономике, Кард прочитал главу учебника о спросе и предложении в сельском хозяйстве. Производство в большем объеме зерна или молока приведет к снижению цен в отрасли. С учетом его опыта работы в семье, ставшей помочь сохранить молочную ферму наплаву, это положение сильно взволновало Дэвида: «Это была необычно полезная идея. Когда я это понял, я подумал:

«Вот это — замечательный материал». Прочитал остальную часть учебника за следующие несколько недель, просто в свое удовольствие». Он перешел на экономический факультет и никогда не раскаивался в этом.

Из-за того что он вначале не выполнил предварительные условия для некоторых наиболее популярных курсов, ему пришлось взять наименее востребованные курсы, такие как распределение доходов и экономика труда. Кард считает, что эти курсы являются «причиной того, что я стал специалистом по экономике труда». Эти предметы преподавали два молодых профессора, которые недавно завершили докторантуру в Принстонском университете и взяли на вооружение эмпирические методы исследований. Их так поразили способности Дэвида, что они связали его со своим научным руководителем в Принстоне, Орли Ашенфельтером, который, в свою очередь, убедил Дэвида пойти в этот университет в Нью-Джерси для написания докторской.

Кард затем произвел фурор в Принстоне, провел ставшие его брендом эмпирические исследования в отношении ряда естественных экспериментов, которые, в конечном счете, привели к присуждению ему награды Джона Бейтса Кларка. «Дэвид повысил значение эмпирических исследований благодаря тому, что они стали внушать большее доверие», — сказал Ашенфельтер во время вручения премии. «Многие люди, чьи кандидатуры рассматривались для этой премии, пишут работы, которые вы никогда не будете читать».

Принстонский университет и Кард идеально подходили друг другу, но этому союзу не было суждено быть длительным. «Моя жена была доцентом на кафедре музыки Колумбийского университета, и она не получила постоянной штатной должности. Ей очень захотелось покинуть университетскую среду и переехать в Калифорнию», — объясняет он.

Поэтому они переехали на Запад, и Кард начал преподавать в Калифорнийском университете в Беркли. Они купили дом в близлежащей Сономе и построили столярную мастерскую, чтобы Дэвид мог заниматься своим хобби — изготовлением мебели в миссионерском стиле. В старших классах школы в Канаде мальчики должны были изучать латынь или столярное дело. Дэвид выбрал второе и сохранил интерес к этому делу на всю жизнь. «Это весьма точное занятие, иногда приводит к разочарованию, но я его люблю, в некотором роде это схоже с эмпирическими исследованиями».

Туманная дисциплина

Его эмпирическая работа всегда формировалась в условиях значительной неопределенности. «Наш базовый уровень знаний в экономике намного ниже, чем это можно было представить», — отмечает он, добавив, что «неэкономистов больше всего раздражает, что экономисты говорят со знанием дела и с невероятной уверенностью, когда на самом деле они до конца не знают того, о чем говорят».

Кард характеризует эту неопределенность как «туман». Когда его спросили об одном аспекте экономики труда, а более конкретно — о роли доверия между работниками, работодателями и органами государственного управления в создании эффективно и результативно работающих рынков труда, — он поясняет свою аналогию с туманом: «Возможно, это так, но доказать научным образом крайне сложно, так как в одном и том же месте нет экспериментальной группы и контрольной группы. Не знаю ни одного исследователя, который мог бы избавиться от этого тумана».

Несмотря на неопределенность в отношении экономики труда, на исследование Карда о минимальной зарплате часто ссылаются активисты, которые, по-видимому, достаточно уверены в преимуществах ее повышения. Это заставляет Дэвида испытывать неловкость. «Я не заявляю повсюду, что необходимо повысить минимальную зарплату, однако сторонники ссылаются на мою работу, чтобы заявить о необходимости

сти такого повышения. Это — одна из причин того, почему я больше не работаю над этой темой, так как все предполагают, что я ратую за повышение минимальной зарплаты, поэтому все, что я сделаю, будет ставиться под сомнение».

«То же самое относится к иммиграции, — продолжает он. — Мне не было бы смысла писать еще одну работу по этой теме, поскольку все бы просто сочли, что я, должно быть, выступаю за рост иммиграции».

Огорчение Карда очевидно — ему надоело видеть упрощение результатов своих исследований и использование их для лоббирования, несмотря на все предупреждения, изложенные в его работе.

В упомянутом выше исследовании об отбытии кубинцев из порта Мариэль он, например, подчеркнул, что эти наблюдения нельзя обобщать. Более конкретно — рынок труда Майами нетипичен в плане опыта успешного устройства иммигрантов, не в последнюю очередь благодаря массе возможностей, предлагаемых городом для малоквалифицированных работников, и обширному испаноязычному населению.

В работе 2001 года он признал, что увеличение иммиграции неквалифицированных работников, если оно является масштабным, может действительно уменьшить уровни занятости более молодых и менее образованных местных работников на 1-3 процентных пункта в таких традиционных городах прибытия иммигрантов, как Лос-Анджелес.

А в 2009 году он даже установил связь, хотя и небольшую, между иммиграцией и неравенством, при этом на долю иммиграции приходится 5 процентов увеличения в неравенства в заработной плате США за период с 1980 по 2000 год.

Позднее, при изучении индивидуального отношения к иммиграции в Европе, Кард пришел к выводу о том, что опасения иммиграции связаны, в первую очередь, не с проблемами с работой; большей частью они относятся к культуре. Более того, опасения людей в отношении создаваемых миграцией «эффектов изменения структуры», таких как воздействие на язык и культуру, в два-пять раз важнее, чем экономические аспекты, такие как рабочие места.

Но Дэвид также охотно указывает, что его исследования выходят далеко за пределы вопросов минимальной зарплаты и иммиграции. Переходя к другим темам, он, похоже, говорит более оживленно и с большим энтузиазмом.

Поиски талантов

Например, Кард провел обширные исследования по политике в сфере образования. В 1992 году он установил, что качество

обучения сказывается на будущих заработках. Можно подумать, что такой вывод является очевидным, но в то время поддержкой пользовалось другое мнение, согласно которому, с учетом отсутствия связи между качеством школы и результатами стандартных тестов, увеличение финансирования государственных

Многие из исследований Карда дали результаты, которые имеют практическое значение для экономической политики.

школ приносит недостаточную отдачу для учащихся. Кард пришел к выводу том, что снижение на пять человек количества учеников на одного учителя было связано с повышением на 0,4 процентного пункта отдачи от обучения. А повышение оплаты труда учителей на 10 процентов было связано с повышением на 0,1 процентного пункта отдачи от обучения.

Лишь в прошлом году Дэвид внес еще один важный вклад на ниве образования, изучив воздействие всеобщего тестирования на участие школьников из семей с низкими доходами и меньшинств в программах для одаренных. Школьные программы для одаренных, пояснил он, «ориентированы на очень способных детей с учетом коэффициента умственного развития, IQ», но IQ является плохим показателем собственно таланта, поскольку он, как правило, благоприятствует детям из более зажиточных семей, которые с большей вероятностью получают поддержку в обучении дома, чем их менее обеспеченные сверстники. Кроме того, участие в программе для одаренных в определенной степени зависит от влияния родителей, которое более вероятно в обеспеченной семье. Оба аспекта означают, что школьники из семей с низкими доходами и меньшинств с более низкой вероятностью примут участие в программе для одаренных.

Для преодоления этой дифференциации один школьный округ во Флориде решил протестировать всех детей и ввести тест невербальных способностей в дополнение к стандартному тесту IQ. В этом исследовании Кард установил, что доля одаренных среди малоимущих школьников благодаря этим нововведениям увеличилась на 180 процентов. Но несмотря на этот успех, всеобщее тестирование оказалось слишком дорогостоящим и было прекращено в условиях требований об увеличении расходов в других сферах.

Еще один естественный эксперимент, который выделяется своей инновационной и социальной значимостью, касается неожиданных эмоциональных взрывов и насилия в семье. Хотя Кард и его соавтор Гордон Дал утверждали, что они меньше всех знают о спорте, они изучили данные о росте насилия в семье после «неожиданных поражений», то есть когда команда-фаворит в Национальной футбольной лиге (НФЛ) проигрывает матч. Это исследование было предпринято ввиду разочарования классической теорией насилия в семье, согласно которой оно является в основном сочетанием преднамеренного контроля и взаимозависимости. «В этом есть что-то абсолютно испорченное, — говорит Дэвид. — Иногда, — продолжает он, — написанные мною работы вызваны тем чувством, что это не может быть правильным, давайте это опровергнем». Поэтому Кард и Дал опровергли эту гипотезу и нашли убедительные доказательства, подтверждающие их довод о том, что основная часть актов насилия в семье имеет непреднамеренный, внезапный и иррациональный характер. Более конкретно, они установили, что когда местная команда НФЛ терпела неожиданное поражение, число обращений в местную полицию

в связи с насилием в семье увеличивалось на 8 процентов, что говорит о том, что внезапные вспышки играют ключевую роль.

Возвращаясь на более знакомую территорию и заглядывая вперед, в будущее, Дэвид намеревается продолжить изучение недавних выводов относительно неравенства в заработной плате. В 2015 году он опубликовал исследование о Португалии, где женщины, как было установлено, зарабатывали всего 90 процентов того, что получали мужчины на аналогичных фирмах. Женщины не только с меньшей вероятностью были заняты на фирмах, выплачивающих высокую зарплату, но даже если женщины работали на таких фирмах, они все равно получали плату ниже своих коллег-мужчин. «Женщинам следует стараться более активно действовать на переговорах о зарплате — это, бесспорно, верно», — отмечает Кард, добавляя, что «они не так часто заняты у работодателей с высокой оплатой труда, и это способствует общему гендерному разрыву». Однако он подозревает, что разрывы в зарплате вызваны не только гендерными проблемами. Он также планирует изучить расовые аспекты неравенства в оплате труда, используя данные из Бразилии.

Многие из исследований Карда дали результаты, которые имеют практическое значение для экономической политики. В связи с этим, не рассматривал ли он возможность участия в работе директивных органов? «Нет, — отвечает он, а затем объясняет — грустно сказать, но я больше всего люблю начать новый проект и анализировать различные наборы данных. Кроме того, — добавляет он, — я плохой менеджер».

Позднее в тот день харизматический заведующим кафедрой экономики в Беркли Шачар Карав отказался характеризовать управленческие навыки Дэвида как недостаток, указывая, скорее, на его нежелание выполнять такого рода работу. Однако похоже, что это правда, что управленческие навыки «не его область конкурентных преимуществ. Бич очень умных людей в том, что они не так умны, как они считают», — и Карав добавляет витиеватый комплимент. — «Но Дэйв не такой, он знает свои конкурентные преимущества и их использует».

Карав характеризует Карда, как «человека, который направляет кафедру не только в интеллектуальном плане, но и во многих других отношениях». Он — «человек, лишенный эгоизма», который «чрезвычайно много занимается со студентами», и при этом «больше других работает с аспирантами». Он также проявляет «очень спокойное лидерство».

Кард также отличается тем, что работает допоздна. Вот замечание, которое сделал его давний коллега Крюгер: «У него трудовая этика молочного фермера, работающего профессором Принстонского университета — он часто трудится до закрытия библиотеки около полуночи. Мы работали вместе допоздна, обсуждали многие вопросы исследовательского характера, заваривая себе новые чашки кофе». Карав делится похожим опытом в Беркли: «Я предполагаю, что в 10 часов вечера Дэйв находится у себя в кабинете и работает с аспирантами... Это мое предположение, но поскольку оно основано на данных, вы можете убедиться, что так оно есть на самом деле».

Когда Карав завершает беседу, он хвалит панорамный вид на залив Сан-Франциско, где на горизонте виден мост «Золотые ворота», — замечательный вид, даже в этот серый и пасмурный день. «Но у нас всех вид из окна замечательный, — пожимает он плечами, из кабинета Дэйва тоже... Но вы его не видите, потому что так спланирован его офис», напоминая о виде за окном из офиса Карда. «Ему нужно переставить мебель, чтобы было видно Залив», — уверяет Карав. Если у Дэйва есть недостаток, так это то, что из него не выйдет дизайнер по интерьеру; ему необходимо работать над его фен-шуй». ■

Питер Дж. Уокер — старший сотрудник по коммуникациям, Департамент общественных коммуникаций МВФ.